
НАСЛЕДИЕ

М. П. МОХНАЧЕВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: ПРОБЛЕМЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Мохначева Марина Петровна (1952–2014) – доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Автор более 310 работ в области русской истории, историографии, методов исторического исследования, истории культуры, истории журналистики, истории науки, источниковедения и интеллектуальной истории. Мы приводим текст доклада, прочитанного автором в 2013 году в Университете Сантьяго де-Компостела (Испания). Впервые опубликовано в *International Journal of Developmental and Educational Psychology. INFAD Revista de Psicología*, 2013, vol. 2, no. 1, pp. 645–652.

Публикация В. С. Трипольского.

Сегодня историческая психология – одна из вспомогательных и/или специальных дисциплин (в зависимости от предмета и объекта исследования) в системе межотраслевого гуманитарного знания и прежде всего отраслевой исторической науки. Историческая психология оказывает прямое или опосредованное воздействие на историографический процесс, сущностные субъектно-объектные характеристики историографических практик, включая системообразующие в рамках дисциплинарных и междисциплинарных полей исторического знания; она способствует пониманию специфики зависимости исторической мысли от индивидуального и массового сознания, превращая таким образом «Я» + «Я Другого» или «Эго»

Историческая психология и социология истории 2/2015 187–197

в основополагающий фактор «истории-описания» (историографии, истории исторической науки).

Историческое описание в большей мере, чем любое иное, обусловлено уровнем развития самосознания и самооценки ученого (Историка) как Субъекта исторического и историографического процесса, а также его интересом к уровню развития психологических знаний.

Так было и так будет всегда: «Творец всегда изображается в творении, и часто против воли своей». Это слова из статьи «Что нужно автору?», написанной в 1793 году «последним летописцем» и «первым историографом» российским Н. М. Карамзиным. В конце статьи Карамзин дает очень емкий ответ на этот вопрос: «Слог, фигуры, метафоры, образы, выражения – все сие трогает и пленяет тогда, когда одушевляется чувством». В 1794 году он издает одну за другой программные статьи, названия которых говорят сами за себя: «Нечто о науках, искусствах и просвещении» (Аглая, ч. 1), «О богатстве языка» (Московские ведомости, 1795, № 90), «О книжной торговле и любви к чтению в России» (Вестник Европы, 1802, № 9). Они вольно или невольно подводят читателя к вопросу: где кончается ремесленничество и начинается искусство?

Наконец, еще одна отправная точка данного доклада – признание того, что «не существует единственного способа декомпозиции системы на подсистемы, не существует и единственного системного описания изучаемого объекта. Его выбор определяется целями пользователя, особенностями объекта, возможностями автора описания, его индивидуальными склонностями. Единого алгоритма построения системного описания нет. В каждом конкретном случае оно конструируется как своего рода произведение искусства» (Ганзен 1984).

Современный уровень информатизации науки, исторических знаний и исторической мысли обновляется с головокружительной быстротой, превращая коммуникативные процессы в модификации модификаций, изначально заданных индивидуальным и массовым сознанием и опытом в той или иной сфере жизнедеятельности человека и общества. При этом генерация и трансляция информации в разы по сравнению с рубежом XX–XXI веков и в сотни раз по сравнению с более ранними периодами новой и новейшей истории повышают нагрузку на человека и его психику.

С 2008 года в России выходит новый междисциплинарный научный журнал «Историческая психология и социология истории», в котором публикуются материалы по сравнительным исследованиям психологических особенностей культур и исторических эпох, языков, картин мира, ценностных ориентиров и ориентаций и способов жизнедеятельности, а также взаимного влияния различных параметров социального бытия. Значительное место в журнале отведено работам по глобальной, региональной и универсальной истории. Читателю предлагается широкий спектр проблем методологии междисциплинарных исследований, исторической и политической философии с целью объединить усилия научного сообщества в изучении актуальных проблем психологии и социологии, способствовать интеграции гуманитарных исследований.

Стоит, очевидно, вспомнить, что первый такого рода журнал, подчеркнем, с аналогичным набором целевых установок и задач, появился в России на рубеже XIX–XX веков. Это был «Русский антропологический журнал», основанный в 1900 году, хотя задумывался он гораздо раньше, в 1880-х годах. Одним из его инициаторов был А. П. Богданов (1834–1896), известный русский зоолог, антрополог, чл.-корр. Петербургской академии наук (с 1890 года).

Примечательно, что издателем журнала официально являлся Антропологический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ОЛЕАЭ). (Журнал выходил в 1900–1905, 1907, 1912–1916 годах на русском языке, с фотографиями, рисунками, картами и диаграммами, тиражом в 600 экз. Всего за 10 лет издания вышло 38 книжек.)

В редакцию «Русского антропологического журнала» входили члены ОЛЕАЭ: Д. Н. Анучин, А. А. Ивановский, В. В. Воробьев, А. Д. Элькинд и др. А в списке авторов было более 40 имен. Первый номер журнала открывала статья Анучина «Беглый взгляд на прошлое антропологии и ее задачи в России», в которой была сформулирована программа развития антропологии как научной дисциплины и исторической психологии как одной из сфер ее предметного поля. Анучин затронул очень важный на тот момент вопрос: о положении антропологии в системе научного знания, уточнении ее границ и возможностей саморазвития, а также взаимодействия с этнологией, психологией и историей. Даже краткая справка, приведенная выше, дает представление о первых шагах

становления психологии как научно-отраслевого знания в России, а также о численности столичной корпорации тех, кто считал себя антропологом или этнологом, но вплотную занимался проблемами исторической психологии. Это очень важная особенность, демонстрирующая стадиальность и специфику развития российских национальных традиций в сфере гуманитарного знания – синкретизм мысли в сочетании с четкой дифференциацией предметных полей научно-отраслевого знания.

В России историография (история исторической науки) как специальная историческая дисциплина заявила о себе во второй половине XIX века, а историческая психология как междисциплинарная область гуманитарного знания – в середине XX века. Сегодня обе дисциплины успешно развиваются в межотраслевом пространстве гуманитарных исследований, на стыке с широким кругом гуманитарных наук и прежде всего с антропологией, социологией, политологией и культурологией.

Несмотря на «молодой возраст», историческая психология имеет большую предысторию, связанную со спецификой историко-психологической рефлексии человека и общества в разных природно-географических, социокультурных и общественно-политических условиях в масштабах местного, регионального и планетарного времени. Первые специальные исследования в этой сфере принадлежат русским славянофилам и западникам, членам Русского географического общества и другим авторам, интересовавшимся феноменом «русской души», «героикой русского народа», «неподдающегося пониманию русского характера», а также «истории русского следа в жизни, культуре и поведенческих практиках “иностранцев” – других народов России».

Имена российских ученых, психологов и историков – Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Р. Лурии, Б. Ф. Поршнева, Л. И. Анциферовой, В. Г. Иоффе и др. широко известны и признаны европейским научным сообществом, их отмечают среди пионеров историко-эволюционного изучения психики и культурно-исторической детерминации психики человека и различных групп людей, антропогенеза и начальных стадий исторического развития общества.

Но эмпирический фундамент и теоретический каркас российская школа исторической психологии обретает на рубеже 1980–

1990-х годов, в работах И. Г. Белявского, Е. Ю. Бобровой, Л. В. Спициной, А. Д. Барской и др. Этот процесс продолжается в плане определения предметных полей и дисциплинарных полномочий исторической психологии в гуманитарном образовании.

25 мая 2011 года Ученым советом Института востоковедения РАН учрежден Евро-азиатский Центр мегаистории и системного прогнозирования, на флагах которого начертан манифест нового тысячелетия, предложенный международным координатором Ассоциации всемирной истории, членом Оргкомитета GF2045 Б. Родригом: «Будущее – это измерение, к которому стремятся все формы жизни».

Понять механизм действия историко-психологической экспоненты – показательной функции с основанием, равным иррациональному числу в измерении цивилизационного процесса, всемирной истории и историографии (истории исторической науки), – одна из ключевых задач современной гуманитаристики, направленной на укрепление ценностных ориентиров и приоритетов общества в условиях глобализации и глокализации.

Модная тема инноваций как панацеи от всех зол и бед в жизни человечества в новом тысячелетии фактически превратилась в бессодержательную метафору, переходящую из работы в работу в качестве некой дефиниции, не имеющей общепринятого определения. «На данный момент инновация – это своего рода лоскутное одеяло. В некоторых случаях она создается отдельными личностями или группами людей, в некоторых – исследовательскими центрами, институтами или агентствами, а иногда национальными или международными программами. Иногда она исходит из военной или теоретической адаптации, иногда из нужд общества, иногда из нужд корпораций. Она действует по вертикали, горизонтали или из стороны в сторону. Интернет, как твиттер, так и электронный адрес, существенно повлияли на мировое сообщество. Но хотя обмен инновациями происходит через журналы, конференции и личную коммуникацию, по большей части он беспорядочен, несогласован и остается незамеченным» (Манифест... 2012).

Инновационный процесс в социальной сфере, по моему глубокому убеждению, необходимо начинать с себя и каждому из нас. Для этого «учителю» и «ученику» следует руководствоваться принципиально новым образовательным «стандартом», в основу

которого необходимо заложить устойчивое взаимодействие исторической памяти с исторической психологией в интересах предотвращения ошибок прошлого.

Для определения механизма взаимодействия исторической психологии и истории исторической науки обратимся к «персональной истории», или биографии, как средству исторического и психологического познания. Историческая биография – неотъемлемая часть европейской историографии начиная с эпохи Плутарха. Это самый популярный жанр исторических сочинений в прошлом и настоящем. Привлекательность этого жанра, по мнению психологов, опирается «на наш устойчивый интерес к жизни других людей, в которых мы можем найти отражение нас самих, предостережения об опасностях и просто удовлетворение нашего любопытства относительно опыта других людей...» (Shore 1981: 113; цит. по: Репина 2011: 287).

Если обратиться к «спектральному» анализу жанра исторической биографии (палитре ее красок), то нельзя не признать, что авторы «персональной истории» очень часто сознательно или неосознанно идеализируют своего героя или, если это антигерой, лишают его человеческого естества; так портрет героя превращается в панегирик (парадный образ в «венцианском зеркале»), а портрету «злодея» достается заведомо «кривое зеркало», уродующее его образ настолько, что у «злодея» нет (не может быть) лица (индивидуальности). «Персональная история» по-прежнему ограничена кругом выдающихся личностей, биографии простого человека в ней мало места. Отсюда увлечение теорией героя и толпы, отсюда заведомая схематизация психологического портрета человека эпохи.

Попыткой исправить этот порочный принцип подхода к выбору объекта «персональной истории» явилась «коллективная биография», ставшая модным в последней четверти XX века направлением биографики. Однако вместе с «модой» на коллективный портрет пришло осознание того, что наряду с героями (публичными личностями) историю вершат простые смертные, пришло понимание того, что «портрет в интерьере» имеет несколько перспектив, причем передний план часто остается парадным портретом, а образы людей на заднем плане обладают куда более насыщенными портретными характеристиками, формирующими «историю души», а через нее культурные традиции и обычаи, представления и поведенче-

скую психологию человека и общества в тех или иных исторических условиях.

«Портрет в интерьере» сегодня – это не только анализ повседневного быта личности, это вместе с тем и попытка анализа его индивидуальности на основе выявления общих (схожих) черт со шкалой историко-психологической типологии. Отсюда появление «новой интеллектуальной истории», «новой локальной истории», «новой биографики», «новой науки», стремящихся соединить историко-психологический подход к объекту исследования с историографическим, где субъект исследования (автор) «изображается в творении, и часто против воли своей».

Наиболее четкий абрис взаимодействия историко-психологического и историографического подходов к изучению человека и общества в прошлом, настоящем и будущем, на наш взгляд, дал Б. Кроче (1998: 65): «...индивид и идея, взятые в отдельности, есть две разнозначные абстракции и как таковые не пригодны для того, чтобы составить предмет истории, а подлинная история – это история индивидуального в его всеобщности и всеобщего в его индивидуальности. Вопрос не в том, чтобы забыть о Перикле ради политики, о Платоне – ради философии или о Софокле – ради трагедии, а в том, чтобы осмыслить и представить политику, философию и трагедию через Перикла, Платона и Софокла, а последних, напротив, как воплощение политики, философии и трагедии в определенный исторический момент».

Таким образом, ремесло исследователя становится искусством там и тогда, когда «персональная история» раскрывает историю эпохи, в которой жил герой, и его индивидуальность, которая «неуловимо и неизбежно переходит в историю вообще» (Карсавин 1993: 82–86).

В российской историографии сложились два типа «персональной истории»: «социальный», восходящий к легендам и мифам, и «экзистенциальный», который актуализирует «самоценность исторической личности», объективирует ее психологические и ментальные характеристики как главные, определяющие ее образ и его эволюцию на протяжении жизни. «Если мыслить дихотомически, то предметом, на который направлено основное исследовательское усилие биографа, может быть либо реконструкция психологического мира, его динамики, уникального экзистенциального опы-

та индивида («экзистенциальный биографизм»), либо социальная и культурная ситуация, по отношению к которой описываемая жизнь приобретает значение истории («новая биографическая история») (подробно об этом: Персональная... 1999; Репина 2011).

Становление и дальнейшее развитие второго типа биографики восходит к информационно-векторной психологии и определяется преимущественно ею. Причем как по отношению к герою, так и по отношению к автору портрета. Вот почему историческая психология должна войти в число обязательных образовательных предметов рабочих учебных планов подготовки студентов – историков, социологов, политологов и других специалистов-гуманитариев. Это крупномасштабная и амбициозная задача, она подразумевает подготовку конкурентоспособного обеспечения такой программы инновационной учебной и методической литературой, интерактивными сетевыми и аудиовизуальными ресурсами с использованием корпуса учебной литературы и наглядных пособий, прошедших проверку временем.

Реализация такой задачи сопряжена с пересмотром действующих подходов к формированию у будущих специалистов-гуманитариев, в том числе у историков-аналитиков, новых исследовательских стратегий, базирующихся на синтезе теории информации и методологических приемах источниковедения историографии и историографии историографии (новое направление источниковедения). Как результат, «специалист-аналитик» должен стать гарантом того, что полученные им историко-психологические знания и умения будут одним из решающих факторов политического и экономического, а не только культурного и научного развития европейского сообщества.

Однако чтобы заявлять об «интервенции» исторической психологии в дисциплинарную структуру отраслевой науки истории и историографии – ее специальной исторической дисциплины, профессиональным историкам и преподавателям истории необходимо освоить информационно-векторную методологию познания био- и социосферы, перейти к осмыслению роли «человеческого измерения» в научных, включая биографику, исследованиях прошлого...

«Будущее – это измерение, к которому стремятся все формы жизни», и первые шаги в направлении применения информацион-

но-векторного измерения жизни человека и общества открыли новый горизонт для теории и методологии истории, для моделирования исторического процесса и прогнозирования цивилизационного будущего.

Историческая психология смело вступает и в поле «интеллектуальной истории», предлагая исследователю новые ракурсы историософских идей и теоретико-методологических оснований исторических идей, концепций и самой концептологии новых историографических практик.

Говоря о биографии как части любой историографической практики, любого научно-исследовательского и издательского проекта, необходимо сознавать (понимать) различия историко-психологических факторов «биографии личности» (историю человека своей эпохи), «профессиональной биографии» (истории жизни и деятельности профессионала своего дела), «ситуационной биографии» (или «портрет в интерьере» общественной, политической, социокультурной среды, в которой живет индивид) и «библиографической биографии» (или истории и лаборатории творчества личности) (Нейман 2002: 11–31; Репина 2011: 303–305).

Репертуар биографического жанра в исследовательских полях чрезвычайно широк и продолжает пополняться новыми практиками. Историческая психология как теоретический и эмпирический базис новой «персональной истории» делает ее привлекательной для гуманитариев, что приближает гуманитарное знание к новому пониманию предмета «эго-истории», способствуя появлению нового вида биографического жанра историописания – «интеллектуальной биографии», которая в большей степени, чем любой из четырех вышеназванных видов биографии, формирует историко-психологический тип личности, ее «портрет в интерьере» или «автопортрет».

Наконец, еще одно наблюдение относительно проблемы поколений в истории, отмеченное К. Мангеймом (2000: 51): «Личность... никоим образом не подвержена влиянию духа времени в целом, ее привлекают только течения и тенденции времени, которые в качестве живой традиции сохраняются в ее специфической социальной среде», эти традиции укореняются лишь тогда, когда «дают наиболее адекватное выражение характерным “возможностям”... жизненным ситуациям» личности.

Информационно-векторный подход к проблеме синтеза биографического, текстуального и интеллектуального всегда опосредован и задан психологическим целым личности исследователя; изучение историко-психологических типов и характеристик научного сообщества принципиально важно для анализа лаборатории интеллектуального творчества его отдельных представителей, научных сообществ и научно-педагогических школ, выбора приоритетных для данного «творца» истории исторической науки (историографии) исследовательских направлений и историографических практик (антикварных, эрудитских, инновационных...).

Сегодня в истории и историографии, равно как в любой другой отрасли гуманитарного знания, наблюдается тенденция, которую подметил испанский философ и социолог Х. Ортега-и-Гассет (1997: 108–109) и акцентировал российский историк С. О. Шмидт, назвав «вытеснением в людях науки целостной культуры специализацией». Ортега-и-Гассет назвал эту тенденцию «тягой к совокупному знанию», безусловно, «мозаичному» (ср.: Шмидт 2005: 345–346). Это очевидно всякий раз, когда исследование проводит коллектив авторов; в результате коллективная монография, где концептология, обрастая новыми векторными полями апробации самого концепта, в итоге приводит исследователей к осознанию роли психоанализа, базирующегося на исторической психологии через историографию изучаемого предмета и объекта исследования, в формировании того самого «совокупного знания». Другой вопрос: станет оно (или нет) «целостной культурой» научной мысли. А это и есть проблема междисциплинарного взаимодействия исторической психологии и истории исторической науки (историографии) в развитии отраслевого и гуманитарного знания, культуры наукотворчества.

Литература

Ганзен, В. 1984. Системные описания в психологии. Л.: Изд-во ЛГУ. URL: <http://www.moder nlib.ru/books/>.

Карсавин, Л. П. 1993. *Философия истории*. СПб.: Комплект.

Кроче, Б. 1998. *Теория и история историографии*. М.: Языки русской культуры.

Мангейм, К. 2000. *Очерки социологии знания*. М.: ИНИОН.

Манифест нового тысячелетия. 2012. GLOBAL FUTURE 2045. URL: <http://www.gf2045.ru/read/99/>.

Нейман, А. М. 2002. Биография в истории экономической мысли и опыт интеллектуальной биографии Дж. М. Кейнса. *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории*. Вып. 8.

Ортега-и-Гассет, Х. 1997. Восстание масс. *Избранные труды*. М.: Весь мир.

Персональная история / сост. Д. Володихин. М.: Мануфактура, 1999.

Репина, Л. П. 2011. *Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика*. М.: Кругъ.

Шмидт, С. О. 2005. Размышления об «историографии историографии». *Исторические записки* 8(126).

Shore, M. F. 1981. Biography in the 1980s. A Psychoanalytic Perspective. *Journal of Interdisciplinary History* V. XII(1).